

СОДЕРЖАНИЕ

1. Как родилась эта книга, или Шаманский оазис детства 7
2. Шаманизм дело царское, или Последний шанс Петра Великого..... 17
3. Чародеи каменного века, или Магия вместо телефона 43
4. Невольный избранник духов, или Исповедь растерзанного..... 63
5. Хозяева трёх миров, или Как попасть на приём к Богу..... 97
6. Шаманская Мекка планеты, или Все дороги ведут в Сибирь..... 123
7. Заложники собственных слуг, или Душа особой окраски..... 179
8. Доспехи для звёздных войн, или Бубен без права передачи 201
9. С топором на Венеру, или Миссия длиною в жизнь ... 237
10. Храмы среди тайги, или Мир, сотворённый мамонтом..... 261
11. Полёт на белом журавле, или Ангел-хранитель с рогами 299

1

КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА, ИЛИ ШАМАНСКИЙ ОАЗИС ДЕТСТВА

Известно, что всё случайное в жизни бывает далеко не случайным. Так произошло и на этот раз. В беседе с другом я произнёс слово «шаманизм» и вдруг понял, что за ним видится книга, за которую надо садиться буквально завтра. На календаре значился 2000 год, атеистические запреты вместе с цензурой канули в Лету, и ситуация вокруг внезапного проекта начала складываться так удачно, будто провидение и впрямь случайно подарило мне шанс, а потом неожиданно включилось в его реализацию. Но чуть позже, погрузившись в работу, я исподволь обнаруживал всё больше и больше каких-то неслучайных обстоятельств рождения книги. Во-первых, я открыл и уже несколько лет вёл в газете, где работал, рубрику «Аура» о паранормальных явлениях, феноменах, различных верованиях и ритуалах.

А для этого, естественно, встречался с носителями этих верований и накопил определённый материал, опыт личного общения с необычными людьми и наблюдений за ними. Были среди моих собеседников и те, кто считал себя шаманом, народным целителем «с шаманскими корнями», а также нынешние дети, внуки, правнуки некогда знаменитых шаманов. Параллельно с этим собиралась небольшая библиотека литературы по традиционным верованиям. Кроме того, в моей памяти и в старых журналистских блокнотах хранилось немало шаманских и мистических историй с ещё советских времён, когда рассказать о них читателям было невозможно. Так что первичная основа для написания книги была, а также просматривались реальные возможности за время работы над рукописью ещё кое-что прирастить к имеющемуся материалу.

Более того, начав пристальнее вглядываться в мир под уже заданным углом, я вдруг обнаружил, что шаманизм, оказывается, окружал меня с самого рождения, я просто жил среди него и в нём, но не обращал на это внимания. Мои родители переехали в Якутию из Сибири, а я родился уже в этой северной республике, в маленьком рыбацком селе Тас-Тумус (в переводе с якутского — Каменный Мыс), в нижнем течении реки Лены, которую за её изначалие и величие местные народы уважительно называли Бабушкой. Наше село находилось недалеко от впадения в Лену её большого притока Вилюя, у подножия действительно крутого и высокого каменного мыса, врезавшегося в реку, и только недавно доросло до официального статуса и собственного сельсовета. По документам я оказался первым ребёнком, появившимся на свет в Тас-Тумусе (именно так тогда писалось его название), и получил свидетельство о рождении № 1. Может, это был какой-то особый знак, метина?

В детстве я долго не мог понять, почему некоторые старики-якуты поставили свои дома не в самом селе, а где-то на отшибе. В силу тогдашнего воспитания, как октябрёнок и «юный ленинец», я даже предположить не мог, что совершенно обыкновенный, поросший берёзами и лиственницами склон мыса, по которому лесенкой всё выше и выше взбирались новые дома, может выглядеть в чьих-то глазах особым, таинственно-запретным местом. Но именно так оно, оказывается, и было. Однажды старый якут-охотник на мой наивный детский совет перебраться с дальних выселков в посёлок, чтобы не ходить по целому часу в магазин или на почту, вдруг ответил: «Нельзя! На мысу похоронен великий шаман, он будет сердиться, что я беспокою его сон. И вы все зря так близко к нему поселились...» Я было раскрыл рот для расспросов, но старец приложил палец к губам и молча направился к своей одинокой избушке. Мои попытки что-то узнать о таинственном шамане от родителей-атеистов закончились советом не слушать выжившего из ума деда. Но слова его запомнились.

Тогда, конечно, мне и в голову не пришло связывать с этой историей свои детские сны, а точнее — один сон, который с каким-то жёстким упорством повторялся из месяца в месяц несколько лет. Возможно, это случалось в полнолуние или в другой определённый день, но я тогда был слишком мал, чтобы увидеть какую-то закономерность и задуматься о ней. И так, стоило мне в один из вечеров сомкнуть глаза, как за мной начинал гнаться по незнакомому таёжному косогору огромный медведь. Спасаясь от него, я всегда в конце сна оказывался на затерянном в глухом лесу старинном кладбище и бежал между заброшенных, порой едва видимых могил, боясь случайно провалиться в одну из них. Но в конце концов в могилу проваливался медведь, а я убегал, слыша за спиной его бессильный рёв...

Мы ещё вернёмся к этому сну, а пока добавлю, что в школе нашего маленького села было только четыре класса, и дальше нужно было учиться в соседнем посёлке Промышленный, построенном нефтеразведчиками на месте, прежде называвшемся по-якутски Ойун-Хая — Шаманская гора. Напротив виднелся Ойун-Аян — Шаманский залив, а относительно недалеко находилось село Ойун-Унгуохтах — Шаманские Кости. Было ещё и озеро Арангас-Кюель, говорившее о том, что, видимо, когда-то на его берегу находился арангас — воздушное захоронение, чаще всего устраиваемое для шаманов. И даже наш райцентр Сангар, как я узнал позже из легенды, носил точно такое же имя, как некогда жившая здесь знаменитая и всеильная тунгусская удаганка...

Несколько лет назад мне довелось узнать, как вспоминал о Тас-Тумусе легендарный исполнитель якутского эпоса олонхо (олонхосут), признанный всем народом певец и танцор Сергей Зверев, живший в верховьях Вилюя и побывавший на моей будущей родине ещё перед революцией. Вот его рассказ: «Давно это было, когда молодым был. Ноги крепкие были, в очень далёких местах охотился. Однажды попал туда, где Вилюй наш впадает в Лену. Поросший лесом большой остров там есть, Таас Тумус называется. Кругом скалы, тайга шумит. В глубокой долине, как в трубе, всё время ветры дуют. Непокойное, с недоброй славой место. Люди его избегали, никогда там не селились...» Правда, это угрюмое место подарило тогда Звереву настоящее чудо, но об этом попозже.

Вот и получается, что я появился на свет в настоящем шаманском оазисе, правда, бесцеремонно нарушенном и погружённым в безверие взрослым поколением атеистов. Но хранившем тогда ещё кое-какие отголоски. Так, в Промышленном, в силу своего мальчи-

ИВАН ГРОЗНЫЙ, НЕ ПОВЕРИВ,
ЧТО ЖИТЬ ЕМУ ОСТАЛОСЬ
ТАК МАЛО, ПРИШЁЛ В ЯРОСТЬ
И ПОВЕЛЕЛ ЗА СТОЛЬ НАГЛОЕ
ВРАНЬЁ РАЗОМ СЖЕЧЬ ВСЕХ
КОЛДУНИЙ. НО ШАМАНКИ
ОКАЗАЛИСЬ ПРАВЫ.

шеского любопытства и какой-то тяги ко всему необычному, я однажды направился «на выселки» к ещё одному деду-отшельнику. Он то ли проникся расположением к незваному гостю, то ли понимал, что мальчишка выслушает то, на что взрослые просто махнут рукой, но рассказал мне, как был учеником «очень большого шамана». Дед искренне сетовал, что его наставник, к сожалению, слишком неожиданно и рано умер. «Старик умел ходить по воде и летать по небу, — вздыхал мой собеседник с непритворной горечью, — а я не успел у него научиться. Недоучкой и остался. Только первую ступень прошел, а надо было три... — Помолчав, он добавил: — Хочу совет тебе дать: когда вырастешь, уезжай из Промышленного. Нельзя в нём жить. Там мой Старик лежит, и другие ойуны и удаганы. Им очень не нравится, что люди у самых их костей дома поставили...»

Тут, наверное, надо сделать отступление и пояснить, что якуты на своём языке называют мужчин-шаманов «ойунами». Слово «удаган» издревле обозначало женщину-шаманку, но на русском языке привычнее и более по-женски звучит «удаганка». Так мы и будем впредь их иногда называть.

Что касается прерванных откровений ученика шамана, то к подобным историям другие взрослые, особенно учителя, предлагали тогда относиться как к «пережиткам прошлого». Но то, что на нашем тас-тумусском мысу существовали старинные захоронения, подтверждала почти каждая весна — из потревоженного льдинами осыпающегося обрыва выпадали похожие на ящички гробы из толстых, грубо отёсанных почерневших плах. Обычно при очередном подъёме воды река подхватывала эти пугающие дары и хоронила в своих омутах. Мы, ребятня, заглядывать внутрь полуистлевших чёрных ящичков боялись даже через щёлки, но взрослые парни иногда любопытствовали. Помню, один

из них рассказывал, что в очередном из выпавших гробов лежали останки длинноволосой женщины в истлевшем, но некогда, видимо, богатом наряде, и все пальцы её были унизаны перстнями, а на шее висели старинные ожерелья. Ходил даже слух, что кто-то из матросов приставшего к нашему берегу чужого теплохода не побоялся забрать кольцо с руки покойницы, но будто бы вскоре утонул...

Мы ещё вернёмся к шаманским захоронениям и существующим вокруг них запретам и таинствам, но, завершая это небольшое отступление, не могу не сказать, что во времена моей юности Промышленный как посёлок полностью прекратил своё существование, Сангар пережил свой расцвет и закат, а в Тас-Тумусе из шести десятков домов остался один-единственный — тот, в котором я родился.

Несколько слов о названии книги, которую вы держите в руках, — «Служители трёх миров». На мой взгляд, оно отражает главную особенность шаманов как носителей древнего языческого культа. Только они могут совершать астральные путешествия во всех трёх существующих мирах нашей Вселенной — Среднем, Верхнем и Нижнем, — быть посланниками и связными между ними, нести миссии добра и зла, созидания и разрушения, целительства и проклятия. Подобные качества ставят шаманов в оккультном ряду значительно выше обычных колдунов, магов и чародеев. Тем интереснее это и для писателя, и для читателей.

Оговорюсь, что эта книга — первая часть диалогии. Вторая называется «Воители трёх миров», и содержание её понятно из названия. Обе эти книги родились в самом начале 2000-х и были с интересом приняты не только читателями в разных уголках страны и за её пределами, но даже учёными-этнографами. Я оказался первым русским писателем, который начал разраба-

тывать эту тему в моей родной Якутии, да и в России нового времени — тоже одним из первых. Но с момента выхода упомянутых книг прошло двадцать лет, и, естественно, за эти годы мой писательский багаж значительно пополнился — среди моих знакомых и даже друзей появились шаманы и исследователи их веры, о которых я раньше мало что знал, а то и не знал вовсе. Открылись какие-то новые материалы и документы. Мне повезло лично оказаться в «шаманских» местах, упоминавшихся в первых книгах, и не раз эти поездки и путешествия дарили интересные, а то и мистические продолжения первоначальных историй. Я пересёк на машине Аляску и Камбоджу, совершил поездку в Японию вслед за якутским мамонтом, за четыре путешествия немало увидел в Африке, побывал в нескольких европейских странах и во многих первозданных местах России — от Камчатки до Эльбруса и от Алтая до островов Ледовитого океана. И конечно же, везде интересовался древними верованиями. Особым событием для меня стало участие во Всемирном слёте шаманов в Гренландии в 2009 году, где я оказался единственным русским человеком... Всё это я и постарался добавить в новую редакцию своей дилогии.

ШАМАНИЗМ ДЕЛО ЦАРСКОЕ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Начнём с небольшого исторического экскурса. Вы, наверное, знаете, что первый российский император Пётр Великий болел и умирал долго и мучительно. Теперь известны и обнародованы обстоятельства его недуга: Пётр страдал «нецарской» болезнью — воспалением мочевых путей и отложением в них камней, что стало результатом бурно прожитой молодости и походных лишений. Явные признаки болезни проявились в 1722 году, во время так называемой Персидской кампании — в военном походе на восток через Дагестан. А вскоре двум главным докторам империи — личному царскому врачу Блюментросту и основателю Московского генерального госпиталя Билдосу — стал ясен и окончательный диагноз, не предвещавший ничего хорошего. К осени 1724 года Петра буквально начали ва-

лить с ног страшнейшие боли в пояснице, но пользовавшие его доктора могли лишь облегчить страдания с помощью катетера, но никак не устранить саму болезнь, поскольку тогдашняя европейская медицина просто не знала средств для этого. Туманящие разум приступы вкупе с неурядицами в ближнем окружении заставляли императора в бешенстве колотить докторов и бесильно скрежетать зубами. А после того как Пётр, спасая в ледяной воде Финского залива простых матросов, жестоко простудился, болезнь окончательно приковала его к постели.

Тогда-то, по сути хватаясь за соломинку, император и пересмотрел свои устоявшиеся религиозные позиции. Конечно, истым верующим он никогда не был, но положение высшего лица православного государства и фактически главы его церкви обязывало. Поэтому 26 апреля 1715 года он лично записал в новом «Воинском артикуле», то бишь Уставе: «Если кто из служивых будет чернокнижник, ружья заговорщик и богохульный чародей, такового наказать шпицрутенами и заключением в оковы, или сожжением». В примечании уточнялось, что костёр полагался явно входящим в связь с дьяволом и прочими тёмными силами.

И вот теперь этот же самый человек начертал и спешно отправил в губернский город Тобольск (тогдашнюю столицу Сибири) указ с требованием срочно прислать к нему лучших якутских шаманов, о силе которых он был, вероятно, хорошо наслышан. А если быть до конца точным, то Пётр продублировал своё же распоряжение от 26 июня 1722 года, где он не столь категорично велел сибирскому губернатору князю Черкасскому отправить из Якутска в Санкт-Петербург дворянина Дмитрия Кычкина с «четырьмя шаманами, и шитыми рожжами, и знающими писать и читать по манджурски и никански». Тогда императором, скорее,

двигал интерес, который он проявлял ко всему для него новому и необычному, поскольку вместе с «лутчими» шаманами, «которые пользуют от болезней и будто угадывают, коликое число взять», он хотел увидеть и диких японцев, впервые попавших после кораблекрушения на берега якутской в те времена Камчатки. Но указ без должного контроля оказался заволокичен и не выполнен.

В первый же раз молодой ещё Пётр проявил любопытство к шаманам двумя десятками лет ранее, в 1702 году, когда велел сибирскому воеводе Хрущёву: «Прислать к Москве к будущей зиме трёх или четырёх человек Самояди (ненцев. — В. Ф.) шаманов, которые совершенно шаманить умели, и дать им провожатых и подводы, и велено их по городам кормить ...и везти их с бережением, и велел взять с собою, что к тому шаманству им понадобится. И их не стращать, сказать им будет наша, великого государя, милость». Но это распоряжение было не выполнено, поскольку Хрущёву якобы удалось с трудом «поймать» в ненецкой тайге лишь двух шаманов, и после их «испытаний» воевода заключил, что «те били в бубен и кричали; а иного де шаманства за ними никакова кроме того нет». Потому он принял решение не отправлять их в Москву, дабы «великого государя казны лишние истраты не было». Петра такой ответ не устроил, и он потребовал, чтобы «к предбудущему 1704 году с казёнщикам безо всякой своей отговорки» прислали шаманов в Москву. «Указал великий государь в Сибирских городех... в Белогорье и в Самояди и в иных ясашных волостях велел сыскать шаманов таких знающих, которые вешки и о всяких делех с болванами своими говорят и их спрашивают, и в том шаманстве им те болваны... отповедь чинят, и они в шаманстве в огонь мечютца и иные мечты чинят; а сыскав выслать в Тобольск...» Но и эта история ничем

не закончилась — Пётр так погрузился в великие имперские дела и планы, что для любопытства молодости просто не оставалось времени, а сибирские чиновники без очередных царских «пинков» спустили команду на тормозах.

И вот теперь уже в ином тоне было «велено де дворянина Кычкина со определёнными по Указу ему с шаманы и с шитыми рожами указанным числом с семьями выслатъ в самой скорости, в чём и подписаться ему, дабы он Кычкин, по Его Императорского Величества Указу, трактом своим ехал с великим поспешанием, нигде не медля ни часа под опасением жестокого штрафа...»

Современному читателю, конечно, непонятно, что за «шитые рожи» упоминались рядом с шаманами и были также затребованы на берега Невы. Так вот, под ними подразумевались тоже шаманы, но не якуты по национальности, а тунгусы, которые славились не меньшей силой и в ту пору в качестве отличительной особенности ещё носили характерные татуировки на лицах. Подобные «украшения» делались путём продёргивания окрашенных нитей под кожей, отчего и родилось соответствующее времени выражение «шитые рожи».

На этот раз, опасаясь царского гнева, Кычкин быстро исполнил приказ и отправил в столицу «Реэстр» с перечислением почти трёх десятков лучших шаманов края — видимо, чтобы Пётр сам выбрал, кого и сколько пожелает. Понятное дело, император не мог знать, кто из шаманов искуснее, и поэтому просто продублировал в своём указе весь список. Интересно, что большинство названий волостей в перечне Кычкина созвучны нынешним улусам (районам) Якутии, и по нему можно прекрасно представить места, где жили лучшие шаманы XVIII века. Их география простирается от южных границ края до самого полюса холода Оймякона, откуда было выбрано целых шесть шаманов. Не могу не упо-

мянуть, что шаманы «Сыдыбыль Дабудаковъ и Иктей Кривой» представляли Кокуйскую волость, название которой происходило от села Куокуй, что и ныне соседствует с моим родным Тас-Тумусом. Примечательно и то, что в «Реэстре» среди прочих значились «шаманы жъ Якуцкого города, тамошние уроженцы, русские люди Фёдор Турбинъ, Семёнъ Рубачёвъ».

Однако, как ни строг и ни скор был указ, но он всё же опоздал и оказался в Якутске уже после смерти Петра. Шаманы не получили шанса помочь своему «далёкому белому царю-солнцу», а вот смогли бы они или нет избавить императора от болезни — об этом мы поговорим чуть позже.

Видимо, не зная, как посмотрит на приезд в столицу подобных «гостей» новый наследник престола, дело с отправкой отложили и стали о нём забывать. Но в 1729 году «трудный подросток» Пётр II, склонный лишь к безудержной пальбе на охоте и забавам с великовозрастными оболтусами (или фактически правящие за него Долгорукие), вдруг вновь потребовали всё того же Кычкина с его подопечными в Москву, куда переместился царский двор. Комиссары якутских улусов (так ещё за два века до большевиков называли начальников на местах) спешно бросились поднимать «Реэстр» с именами ранее определённых для столицы шаманов, но выяснили, что «оньы тунгусы, которые требуюца», кочуют где-то в тайге. И тогда в одних волостях бросились на поиски означенных в списке, а в других стали лихорадочно искать им замену. Кычкин же, не желая ударить лицом в грязь перед новым государем, устроил строгий смотр кандидатов и через посыльных вопрошал комиссаров о присланных: «А подлинно ли они имеют за собой действительное шаманство? А лутче их шаманством в ведомстве того острога других не имеютца ль?» Что касается самих шаманов, то многие попы-

тались укрыться от столичной славы в родных лесах, и кое-кому это удалось. Дабы и другие не последовали их примеру, Кычкин распорядился посадить всех отобранных им под стражу, а беглецам учинить сыск. И так, дело двигалось, но не очень спешно, и в итоге Пётр II, как и его предшественник, не дождавшись «шаманского корпуса», в самом начале 1730 года скоропостижно скончался от оспы.

Взошедшая на престол Анна Иоанновна поначалу было «сентября второго дня» 1730 года подтвердила указ, но в августе следующего года, когда шаманы и «шитые рожи» после всех перипетий наконец-то отбыли в Петербург, почему-то другим указом вернула их с дороги домой. Возможно, отсоветовал вошедший в силу Бирон, оглядывающийся на «цивилизованную» Европу. И может быть, зря. Очередной заморский лекарь, прописавший было Анне перед смертью (от камней почек) среди зимы высушенные и истёртые в порошок эмбрионы зайчихи, сетовал, что до начала лета этого снадобья, увы, не заполучить. Как наглядно видно из рецепта, этот представитель официальной медицины действовал не лучше заурядного знахаря, а то и шарлатана. Настоящий же шаман (вы в этом позже убедитесь) лишь одной силой своей энергии мог бы раздробить злосчастные августейшие камни или растворить их с помощью травяных настоев. А в крайнем случае — быстро бы отправил парочку-другую духов за беременной зайчихой в прошлое или будущее. Тем более что перед кончиной Анна Иоанновна и сама окончательно окунулась в мистику. Однажды вечером, увидев в компании с перепугавшимся Бироном собственную живую копию на троне, она остановила узревшего заговор и призвавшего стражу фаворита: «Не надо кричать и стрелять! Это не самозванка, это моя смерть за мной пришла...» Так оно и получилось.

Далёкий предшественник Анны царь Иоанн Грозный, примерный православный в дни редкого раскаяния, ночами бивший поклоны перед образами в монашеской рясе, извёл на своём веку немало заподозренных в колдовстве. Но и он, впервые увидев комету 1584 года, почему-то счёл её языческим знамением своей, хотя, может быть, и не слишком близкой, смерти. Чтобы расставить все точки над *i*, самодержец «поступился принципами» и повелел отыскать для него в Лапландии и доставить во дворец аж целых 60 «дошлых ведунов», а точнее — ведуний, которые, по московским слухам, тогда ценились много выше колдунов мужского пола. Надо заметить, что Лапландия в пору, когда Русь и Европа ещё не знали Сибири, считалась местом, где живут самые сильные волшебники Старого Света, и многие оккультисты ездили туда для обучения. Слова «шаман» в русском языке в те времена не существовало, но лопарские волшебники по своим ритуалам и обрядам были именно шаманами.

Неизвестно, с помощью каких действий, но абсолютно единодушно лопарские ведуньи пришли к заключению, что государь действительно очень скоро покинет сей мир и случится это 18 марта. Что и было передано царю боярином Бельским. Иван Грозный, не поверив, что жить ему осталось так мало, пришёл в ярость и повелел за столь наглое враньё именно 18 марта разом и сжечь всех колдуний. Утром указанного числа Бельский, повидавшись с царём, пришёл в острог, где содержались под стражей лапландки, и сказал, чтобы они готовились к казни. Но шаманки философски ответили ему, что «ещё не вечер». И оказались правы: сев играть в шахматы, Иван Грозный внезапно упал в обморок и к ночи скончался. Лапландок отпустили по домам...

А ведь всё могло бы оказаться иначе, если бы самодержец использовал ведуний не только как прори-

цательниц, но и по их, так сказать, главному назначению — в качестве посланников-ходатаев к высшим небесным силам.

Автор одной из первых в мировой практике обобщающих работ по шаманизму Виктор Михайловский в 1892 году пересказал в ней свидетельства западных учёных, побывавших у лопарей двумя-тремя столетиями раньше. Вот как они выглядели:

«Если жертва (в пользу больного. — В. Ф.) не помогала, то шаману-нойду приходилось предпринимать путешествие в страну теней ямбе аймо. Для такой экспедиции избирался особенно известный нойд, обладавший лучшими волшебными снарядами. В священном месте кудесник упрашивал ямбака или умершего родственника, чтобы тот оказал своё покровительство. Но главной целью странствования было заклинание божеств, обитающих в ямбе аймо, чтобы эти покровители отложили призыв в царство теней больного, лежащего на смертном одре, и позволили ему оставаться некоторое время среди живых людей. Когда нужно было приступить к путешествию, нойд собирал как можно больше мужчин и женщин и, взяв волшебный бубен, начинал изо всех сил бить в него и петь, причём все присутствующие помогали ему в пении. Шум и неистовые движения приводили заклинателя в исступление. Уперев бубен в колени, он прыгал с необыкновенной ловкостью и быстротою, делая самые странные телодвижения до тех пор, пока не падал в бесчувствии, подобно умирающему. Он лежал в продолжение часа в этом оцепенении. Все свои лечения и вообще таинственные действия нойды проделывали при помощи троякого рода животных, обитающих в царстве теней. Это были: птица сайво-лодде, рыба или змея сайво-гуэлле или гуармсо и олень сайво-сарва. Птицы были разной величины: ласточки, воробьи, куропатки, орлы, лебеди и т. д. Они имели все-

возможную окраску: чёрные, белые, красноватые, коричневые, зелёные и пёстрые. Среди служебных птиц особенно замечательны те, которые именовались вуорнис лодде, они специально наносили вред людям. На чудесных птицах нойды с необыкновенною быстротой переносились с места на место. Рыбы и змеи тоже достигали различной величины; свойства змей указывали на силу и искусство шаманов, их обладателей. Змеи часто бывали в длину по 9 футов; они служили для нанесения вреда людям и для путешествия в небесные пространства. Олень посылался шаманом для борьбы из-за больного с оленем, принадлежащим тому кудеснику, который наслал болезнь. Чем сильнее был олень, тем могущественнее был им владеющий нойд...»

После смерти Ивана Грозного громкие разговоры о лопарских волшебниках ходили в российской столице не однажды. Особенно всколыхнули они народ после переворота 1606 года, когда был убит самозванец Григорий Отрепьев. Его тело со множеством ран несколько дней лежало на Красной площади, специально выставленное на обозрение. Но сторонники Смуты тут же пустили слух, что «Гришка был колдун, научившийся колдовству у лапонцев: когда они дадут себя убить, могут и воскрешать себя», то есть, мол, не всё ещё потеряно. Тем более что за слухом, видимо, стояли и кое-какие реалии. Во всяком случае, серьёзный историк Николай Карамзин приводит в своей «Истории государства Российского» следующий отрывок из «Московской хроники»: «Вокруг Лжедмитриева тела, лежащего на площади, ночью сиял свет: когда часовые приближались к нему, свет исчезал и снова являлся, как скоро они удалялись. Когда его тело повезли в убогий дом, сделалась ужасная буря, сорвало кровлю башни на Кулишке и повалило деревянную стену у Калужских ворот. В убогом доме сие тело невидимою силою переносилось

с места на место, и видели сидящего на нём голубя. Произошла великая тревога. Одни считали Лжедмитрия необыкновенным человеком, другие Дьяволом, по крайней мере ведунном, наученным сему адскому искусству лапландскими волшебниками, которые велят убивать себя и после оживляют». Подобные факты, слухи или домыслы, чем бы они ни были, в любом случае сыграли свою роль — через некоторое время народ относительно легко принял весть о том, что в Польше объявился второй Лжедмитрий. Так шаманы впервые по-крупному подействовали на российскую политику.

Ещё за полвека до событий Смутного времени на далёкой Печоре, у соседей лопарей самоедов (ненцев) побывал английский путешественник Ричард Джонсон и, в отличие от более позднего сибирского воеводы Хрущёва, оказался свидетелем поразившего его шаманского действия. После неистовой пляски и долгого беспмятства «заклинатель-тадибей уколол себя мечом, не производя никакой раны, — он раскалил меч и пронзил своё тело, так, что конец торчал сзади и я мог его ощупать пальцем. Затем самоеды вскипятили воду в котле, поставили в чуме четвероугольное сидение, на котором примостился жрец, сидя с поджатými ногами, и приблизили к нему котёл с кипящей водой. Кудесник крепко обвязал свою шею верёвкой из оленьей кожи и дал держать концы её двум человекам, ставшим по сторонам сиденья. Когда шамана покрыли длинной одеждой, самоеды, державшие верёвку, стали её тянуть каждый в свою сторону, и я услышал шум от падения каких-то предметов в кипящую воду. От присутствующих туземцев я узнал, что это упали голова, плечо и левая рука кудесника, отрезанные верёвкой. Суеверные дикари не позволили исследовать эти предметы, говоря, что всякий увидевший сокровитое от человеческих глаз должен умереть. Представление кончилось появлением

ШАМАН НАЗВАЛ ДАЛЁКУЮ
ДЕВУШКУ МИЧМАНА МАТЮШКИНА
ГОЛУБОГЛАЗОЙ, ХОТЯ В ГЛУХОЙ
ТАЙГЕ НИ ОН САМ, НИ КТО-ЛИБО
ИЗ ЕГО СОПЛЕМЕННОКОВ НИКОГДА
НЕ ВСТРЕЧАЛ ГОЛУБОГЛАЗЫХ
ЛЮДЕЙ.

кудесника, который совершенно невредимый подошёл к огню и объяснил, что никто не может узнать тайн, переданных ему божеством во время его бесчувственного состояния».

Как видно из этих описаний, в середине XVI столетия аборигенами русского европейского Севера были достаточно хорошо освоены, а точнее — пока ещё не утрачены основные шаманские технологии.

Что же касается Петра Великого, то он всё-таки внёс свой вклад в якутский шаманизм, точнее — в его изучение. За несколько дней до смерти император подписал указ о Первой Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга, которая затем переросла в беспрецедентную по масштабам и задачам Великую Северную экспедицию и в течение полутора десятка лет проводила исследования полярных и восточных оконечностей империи. В составе этой полусекретной экспедиции, кроме военных, были историки и «натуралисты» Академического отряда Герхард Миллер, Иоганн Гмелин, Якоб Линденау, Георг Стеллер, Степан Крашенинников, которые и оставили первые, хоть порой и поверхностные, но всё же сделанные профессиональными учёными описания действий якутских и тунгусских шаманов.

Вот как выглядел ритуал 1736 года в глазах Гмелина: «В юрте, где должно было происходить камлание, он (шаман. — В. Ф.) разделся и одел плащ, который по количеству навешанных на нём всяких железных побрякушек мог сравниться с самым лучшим шаманским костюмом. Одевшись, он взял свой волшебный бубен и сел с ним посреди юрты лицом к юго-западу. Затем он стал барабанить и кричать. Это продолжалось в течение четверти часа с такими жестами и выворачиванием членов, что боязливый человек не смог бы этого выдержать. С ним не было хора, и он, сидя, разыгрывал ко-

медию совсем один. Это должно было быть только приглашением, которым он призывал к себе чертей. Затем он внезапно вскочил и кричал длительное время, постоянно барабанил и стоя всё время на одном месте. Длинные чёрные волосы, сильно растрепавшиеся от частых поворотов головы, придавали ему вид фурии, и он стал так носиться по юрте, что наскакивал на всё и выгнал всех, кто находился в юрте. Если бы я не полагал, что тренировка и необычная физическая сила могут помочь человеку вынести то, что вынес этот мужик вследствие своих насильственных движений, я бы определённо не знал, чем объяснить его силу. Правда, раз после того, как он сильно шумел, казалось, будто он впал в бессознание, но присутствовало несколько якутских князьков, из которых двое поддерживали шамана, чтобы он не упал, ибо это, по их мнению, могло бы принести всему народу большое несчастье, если шаман во время своего сеанса свалится без сознания на землю. Третий князёк держал над головой шамана накалённую сталь и точил на ней нож до тех пор, пока шаман не пришёл в себя. Придя в себя, шаман сразу же продолжил своё фиглярство. Было несколько таких перерывов, и поэтому кажется, что они скорее вызваны привычкой, чем дьявольскими мучениями или физическим утомлением. Часто он стоял совсем неподвижно, пристально смотрев в воздух и хватая оттуда что-то рукой, будто хотел поймать нечто невидимое. Ежеминутно он придавал сцене новый вид с такой необычайной ловкостью, что можно было только удивляться...»

Надо сказать, что упомянутые учёные, называвшие свой XVIII век «просвещённым» и одновременно исповедовавшие христианство, поначалу относились к «шаманским кривляниям» пренебрежительно-осуждающе. Тот же Гмелин, ещё до камлания побывав на главном летнем празднике якутов Ысыахе и посмотрев его освящение,

записал в своём дневнике: «Церемонию открыл волшебник. Затем волшебник, сидя, произнёс речь, некоторые говорят, что он молился. Но как слуга дьявола может серьёзно молиться или чего может достичь его молитва?..»

Иоганну Гмелину вторит чуть более поздний путешественник Гавриил Сарычев: «Доверенность, каковою пользуются шаманы у всего здешнего простого народа, отнимает всякое на них подозрение в обмане, а пред-рассуждение о связи их с злыми духами утверждает ещё более в мнении, что всё делаемое шаманами производится черезъестественным образом и не иначе как с помощью дьявольскою. Мнимая сия власть над духами дала им право выдумывать разные сказки и нелепости для суеверного невежества, дабы более верили, что они могут предсказывать будущее, знать настоящее и прошедшее, повелевать ветрами и бурями, лечить больных и доставлять счастье в звериной ловле. Таким образом всегда имеют случай выманить что-нибудь у легковерного народа».

Но этот же исследователь, сделавший в XVIII веке заключение в стиле будущих большевистских идеологов-атеистов, приводит описание камлания, где шаман явно выступает в качестве личности, обладающей если не паранормальным, то по крайней мере гипнотическим даром: «Через несколько минут (шаман. — В. Ф.) опамятавшись, просил ножа, и когда подали, то ударил себя им в брюхо и велел одному якуту вколачивать его поленом до самого черня. Потом подошёл к очагу, взял три горящих угля и один за другим проглотил, не показывая ни малой боли, после чего плясал ещё долго. Наконец вынул из брюха нож и, выхаркнув с некоторым усилием проглоченные угли, стал предсказывать, что больной выздоровеет, если в жертву злomu духу, мучившему его, убита будет лошадь, и назначил притом, какой она должна быть шерсти».

Подобные действия вновь прибывшие учёные заносили в разряд «фокусов», объясняли только «ловкостью рук» и при случае старались даже устраивать публичные разоблачения.

Так, в частности, поступили Миллер и Гмелин. «Мы услышали о волшебнице, которая так прославилась, несмотря на свою молодость, ей было 20 лет, что пользовалась большим доверием, нежели волшебники, уже под 40 лет практиковавшие своё искусство. Она жила в 20 вёрстах от города (Якутска. — В. Ф.). Профессор Миллер послал за нею, и она явилась. Она признала, что она волшебница и настолько сильна в своём искусстве, что может пронзить себя насквозь ножом без вреда для себя. Назначили вечер, когда она покажет своё искусство, и она согласилась. Волшебное платье было надето, заиграл бубен, и волшебница стала делать прыжки, которые были очень искусны, вероятно, вследствие её молодости. По голосу нельзя было судить, что она так молода; её крики, сливаясь с шумом бубна, походили то на рёв медведя, то на рычание льва, на лай собак, на мяуканье кошек и т. п. Верхом на бубне она взлетала то к воздушным чертям, то к тем, что живут на земле, обращалась с ними очень свободно, вызывала каждого, разговаривала с ними и получала, как она утверждала, искренние ответы. Якуты были вне себя от изумления...»

Но учёным мужам оказалось этого мало, они потребовали, чтобы шаманка проткнула себя ножом при их полном контроле. Волшебница, конечно знавшая, что некоторые шаманы могут без всяких последствий пронзать себя в нескольких местах, но, видимо, не обладавшая подобным даром, наверняка горько пожалела о сказанном, но отступить ей было уже некуда. И она, хоть и не сразу, решилась. Как свидетельствует Гмелин, «я ощупал рану и кусок выпавшего сальника. Волшебница отрезала его, велела изжарить на угольях

и съела». Рана на её животе, увы, не затянулась тут же, как полагалось по всем канонам волшебства, и торжествующие профессора заставили бедную женщину «дать письменное сознание за своей подписью и подписью переводчика городского в том, что она до этого раза никогда не продевала сквозь тело ножа и теперь не имела намерения этого делать, а хотела обмануть нас, как якутов...» Публичное разоблачение состоялось, но так сильно ранившая себя женщина «оставалась спокойною, как будто с нею ничего не случилось», а «через шесть дней рана её зажила, хотя она её не больше двух раз перевязала». Интересно, за сколько бы дней исцелился от проникающего ножевого ранения в живот сам профессор Гмелин?..

Кстати, его последователь, автор знаменитой монографии «Якуты», политссыльный XIX века Вацлав Серошевский, имевший гораздо больше времени для наблюдений, писал: «Я заметил, что, хотя всем подобным фокусам удивляются и охотно на них смотрят, тем не менее от шамана, “настоящего шамана”, требуют иных качеств. В Колымском округе я встречался с молодым ещё, но ловким шаманом, проделывавшим большинство упомянутых фокусов: он глотал палку, ел горящие уголья и стекло, выплёвывал изо рта монету, исчезавшую из его рук на глазах зрителей, и т. п. — и всё-таки его не считали первоклассным шаманом, между тем как старуха-шаманка, не умевшая делать ничего подобного, пользовалась, видимо, большим почётом и славой. Хороший шаман должен обладать многими необыкновенными свойствами, но главное — умением производить на окружающих более или менее сильное впечатление. Он не кичлив, много о себе не рассказывает, не жаден, не требователен; в обращении с обыкновенными людьми у него не заметно ни особенного высокомерия, ни гордости, а скорее проглядывает сознательное чувство

внутренней силы, перед которой невольно преклоняются окружающие и которая рождает к нему доверие и повиновение. “Тот не солжёт, тот или откажется, или поможет!” — говорят про такого».

«Мичман флота» Фёдор Матюшкин, один из ближайших друзей-лицеистов Александра Пушкина, которому сам великий поэт давал «длинные наставления, как вести журнал путешествия», судя по стилю писем-отчётов из Якутии, не был ханжой и академическим занудой, да к тому же ещё отличался и смелостью. Увидев однажды зимней ночью огонёк в глухой далёкой тайге, он тут же повернул к нему, несмотря на резкий протест проводника. Последний опасливо утверждал, что в этой юрте живут черти. Вообще-то проводник действительно был недалёк от истины — перед ними оказался специальный шаманский чум, где как раз разворачивалось очередное действие. Выскочившие навстречу незванным гостям тунгусы, увидев «русского тойона (господина. — В. Ф.)», принялись умолять его не мешать шаманить. Матюшкин успокоил их.

«Я не протопоп, — сказал я засмеясь, — и я тоже буду спрашивать вашего шамана о будущей моей участи. Мои слова тотчас же были переведены, и доверие, радость возвратились на все лица. Я вошёл в юрту. Несколько женщин сидело вокруг огня, а шаман ходил взад и вперёд по разложенным на полу шкурам. Длинные чёрные волосы почти совсем закрывали лицо его, кровью налившееся, зверообразные глаза сверкали из-под густых нависших бровей. Странная его одежда, обвешанная ремнями с железными, медными и серебряными оконечностями, бубны в правой руке и лук в левой — всё, всё давало ему какой-то страшный вид (и он довольно был похож на чёрта московского театра). Упёршись головою на лук, он начал кружиться в молчании около одной точки, стал водить руками над головою

и делать движения, подобные тем, какие делают наши магнетизёры. После этого вдруг ударил в бубны и стал скакать с чрезвычайным проворством, корпус его изгибался, как змея, голова его обращалась около шеи, как колесо, с таким невероятным проворством, что и теперь не могу довольно надивиться. Наконец упал без чувств на землю. Его подняли, всё лицо его было в крови, он обтирал оное, и кровь всё вновь выступала из-под кожи (какое ужасное напряжение!). Наконец он совсем встал и упёрся на лук — каждый его спрашивал. Ко мне шаман был очень милостив. Если верить словам его, всё, всё будет успешно, и я всё время буду здоров и через 3 года в Царском Селе!

“Какую я люблю девушку?” — спросил я у него. “У твоей девушки глаза, как лазурь неба, а волосы, как слабый свет луны (светло-русые)”. — “Сколько ей лет?” — “Добра ли?” — “Умна ли?” — etc... etc... — “Любит ли и помнит ли меня?” — “Если бы она сама о сём меня спрашивала, я бы ей отвечал”. — “Чорт тебя возьми!” — сказал я ему с сердцем. — “Я уже и так достояние ада”, — сказал он очень хладнокровно. — “А я?” — “На тебя они не смеют смотреть, твоя душа не принадлежит им”. — “И за это благодарю”. Потом его начали спрашивать другие, и когда все вопросы были кончены, он стал выпускать из себя чертей, делая разные кривляния, и дорогие гости его, которых он созывал около 4 часов, вышли из него в 15 минут. Я не суеверен, но если чудеса, которые рассказывают о мессмеровом магнетизме не ложь, то... то... Но теперь ведь грех в Петербурге говорить о шаманах».

В конце письма Матюшкин сообщает, что «мелкие обстоятельства, которые со мной случились по приезде моём в Средне- и Нижне-Колымск, — сколько и не были невероятны, но все с удивительною точностью были предсказаны шаманом».

Что же касается обстоятельств крупных, то процитированное письмо было отправлено Матюшкиным из Нижнеколымска в конце 1820 года, в самом начале работ экспедиции под руководством адмирала Фердинанда Врангеля. Впереди «мичмана флота» ждали четыре труднейших и опасных похода через всю Якутию в её заполярную и арктическую зону, и все они завершились успешно, с хорошими результатами. Он вернулся в Петербург ровно через три года в полном здравии и на крыльях славы, быстро пошёл в рост, дослужился до адмирала, стал сенатором и пережил своего друга-ровесника Пушкина на 35 лет. Думается, Матюшкин не раз потом вспоминал предсказания тунгусского шамана и не преподносил их как «фиглярство».

Известно, что, возвращаясь из своих северных поездок в столицу, Матюшкин всякий раз старался встретиться с Пушкиным. С не меньшей радостью стремился к нему и поэт, подолгу расспрашивавший друга-путешественника о далёкой таинственной Сибири. Возможно, во время одной из таких бесед Пушкин и «заразился» идеей написать книгу об урождённом в Якутске землепроходце XVII века Владимире Атласове, которого сам поэт окрестил «камчатским Ермаком», фактически открывшим этот полуостров. Пушкин успел собрать почти всю имевшуюся на тот момент литературу о Якутии, вступил в переписку с несколькими её исследователями, но преждевременная и неожиданная смерть не позволила ему осуществить замысел. «Параграфы» (конспекты. — В. Ф.) на 88 страницах остались лежать на столе поэта в день его дуэли с Дантесом.

Думается, Матюшкин просто не мог не рассказать Александру Сергеевичу о случае с шаманом, обо всех своих последующих встречах с «якутскими волшебниками», об их ритуалах, обрядах и воззрениях. На подобную мысль меня натолкнули живущие в памяти строфы

из знаменитого пушкинского стихотворения «Пророк», написанного в 1826 году. По мнению пушкинистов, создавая его, поэт оттолкнулся от шестой главы библейской книги пророка Исаии, но потом «ушёл в сторону», и, по сути, в нём было описано действие, очень похожее на обращение неофита в шаманы. Об этом мы далее ещё поговорим подробнее, а пока запомним возникшую ассоциацию. Любопытно, но, работая над этой главой, я неожиданно обнаружил в статье известного православного священнослужителя и богослова протоиерея Александра Меня «Доисторические мистики», что и он, рассматривая посвящение шамана, «неволью вспомнил библейского пророка, воспетого Пушкиным, который пережил такое же перевоплощение». А может, толчком послужил не только библейский, но и языческий пророк, так эмоционально и живописно обрисованный поэту только что приехавшим из Якутии Матюшкиным?

Возвращаясь к последнему его диалогу с шаманом-ясновидцем, отметим, что особенно интересной в их разговоре оказалась одна деталь, поразившая тогда путешественника, — шаман назвал девушку мичмана голубоглазой, хотя в далёкой глухой тайге (2000 вёрст от Якутска) ни сам властитель духов, ни кто-либо из его соплеменников прежде никогда не встречал голубоглазых людей. Матюшкину даже пришлось защитить шамана и подтвердить не поверившим тунгускам, что такие «нечеловеческие» глаза и вправду встречаются у русских, как и светлые золотистые волосы. Выходит, шаман действительно увидел девушку. А что касается оставленного без ответа вопроса о том, любит ли и ждёт ли далёкая зазнобушка Матюшкина, то «волшебник», скорее всего, просто не стал расстраивать «доброго господина». Об этом свидетельствует факт: вернувшись в Петербург и написав отчёт, Матюшкин тут же ушёл на целых два года в кругосветное

плаванье, а потом не завёл семьи до самого конца своей жизни.

Итак, если некоторые заезжие путешественники и исследователи ещё могли себе позволить несколько высокомерный и ироничный взгляд на шаманизм, то у местного населения, в том числе и у потомков русских землепроходцев, появившихся в «якольской землице» в XVII веке, было своё отношение к древней религии. Шаманам верили, их уважали и боялись — и при жизни, и после смерти. Надо сказать, что к моменту появления россиян шаманы в Якутии уже не просто существовали, а даже представляли отдельную социальную прослойку. На это указывают списки сбора ясака — «подходного налога» допетровских времён, где наряду с «князцами», «холопами» и «улусными мужиками» значатся отдельной строкой «оюны». Уже в год закладки первого города-ostroга на Лене (1632) его основатель Пётр Бекетов получил 20 соболей с «Инена оюна». Причём, судя по разбросу величины ясака, шаманы были и совершенно бедными, и состоятельными, как князцы. Наверное, это зависело от силы и известности оюна. В ясачной книге Якутии от 1649 года, куда вписано 1497 плательщиков, значатся имена 43 шаманов, как правило, по одному-два на волость.

О высоком авторитете и общественном статусе шаманов говорит тот факт, что именно они, подобно гаитянским жрецам вуду (мы о них тоже поговорим позже), стали руководителями освободительного восстания 1642 года, когда «инородцы» поднялись против посаженного Москвой якутского воеводы, «свирепого стольника Головина», и его подчинённых, что нестерпимыми поборами, жестокостью и несправедливостью довели народ до крайности. Шаманы разработали план покушения на воеводу и лично руководили несколькими сражениями, в которых были разбиты отдельные

казачьи отряды. Правда, в итоге восставшие проиграли, но Головин был смещён и отдан под суд. В 1682 году произошло ещё одно восстание под предводительством родоначальника Дженника и ойуна Эргиса. Видимо, результатом этого, то есть опасения влияния шаманов, стала царская «память», присланная воеводе Арсеньеву в 1696 году: «Да вам же смотреть и беречь накрепко, чтобы около города отнюдь не шаманили и русских людей на шаманство к ним никто не ходил». Во исполнение высшей воли, естественно, последовало соответствующее распоряжение воеводы.

Боролись, конечно, с ойунами и православные священники, обращая якутов в христианскую веру, но люди в те годы часто крестились только из-за полагавшихся при этом льгот или подарков, а в душе всё равно оставались язычниками и устраивали свои традиционные ритуалы. Забавно предание, согласно которому один «великий шаман», увидев, как в его улус прилетели в виде семи сестёр-птиц злые духи оспы, «быстро вскочил на ноги, перекрестился перед иконами и, обратившись в дым, улетел на небо...»

А иногда происходил и обратный процесс, к которому нестойких к вере священнослужителей подталкивало их скудное существование в «духовных пустынях». Так, один сибирский священник сумел превратить в личный доход подношения местных остяков (хантов. — В. Ф.) их шаманскому идолу-«шайтану». Как пожаловались сибирскому митрополиту Антонию новокрещённые ханты, упомянутый священник «одного шайтана называл себе братом болшим, того ради, что он, поп, брал всякое приношение с ним, шайтаном, пополам. А братался он, поп, с ним, шайтаном, рясою своею чёрною, канфовою, которая ряса обретается на нём, шайтане, и доднес, а за тое рясу взял он, поп, с него, шайтана, за братство лисицу ценою в 8 рублёв, да выдру ценою

в рубль». Все обвинения подтвердились. В дополнение ханты поведали: «как почали их крестить», они спрятали «шайтана» в другой волости, по позже, с согласия священника, выкупили его за шкурки выдры и соболей. Тайно вернуть идола в его прежний «дом» помог всё тот же священник. В итоге он был расстрижен, и Тобольская губернская канцелярия приговорила отступника «бить кнутом и вырвав ноздри сослать в Нерчинск на серебряные заводы вечно...»

То, что шаманизм в Сибири и Якутии в XVII веке признавался «де факто и де юре», подтверждает известный историк Сергей Токарев. В своих работах он приводит многочисленные жалобы в адрес официальных властей и судебные дела, где фигурируют шаманы. Их обвиняли либо за то, что они, получив плату, не вылечили больного, либо (значительно чаще) за умышленную «смертельную порчу» людей или скота. И каждому иску давался законный ход. По одному такому делу воевода распорядился провести «повальный обыск», то есть опросить 80 человек жителей четырёх соседних волостей на предмет вредоносной деятельности ойуна, и 64 свидетеля показали, что «Булгус шаман испортил волшебством своим мужеского и женского полу якутов 13 человек да лошадь, и от ево порчи те люди и лошадь вскоре померли». Были официально задокументированы и истории более фантастические. Например, такая: «...Деки шаман обратился своим волшебством медведем и пршед того Булгуя изъел, и тот де Булгуй от того его волшебства летом умер; а видел то его волшебство шурин его». Результатом последнего доноса стал арест шамана. И хотя тот под пытками утверждал, что «з бесми он Деки не знаетца, а шаманит он по своей вере, призывает бога, а ведовством и порчею ево Деки поклепали напрасно», но всё равно угодил в тюрьму. Конечно, ситуаций, когда шаманы справлялись со своими обяза-

тельствами и совершали настоящие чудеса исцеления, было во множество раз больше, но понятно, что по такому случаю никто не жаловался воеводе.

При случае и сами власти Якутска были не прочь использовать шаманов, в реальности сил которых они не сомневались. Так, известен интересный факт о воеводе Андрее Барнешлеве. Последний в 1679 году, прослышав, что против него подана якутами самому царю челобитная, где перечисляются его многочисленные насилия и беззакония, решил обратиться к помощи ойунов. Он призвал их и «приказал шаманить о смерти челобитчиков», а также и о том, чтоб новый воевода, который должен его сменить, «был к нему добр».

Не знаю, насколько удалось преуспеть в выполнении «воеводского задания» «шаману Няче, что у Андрея в горнице шаманил», но приехавший на смену Барнешлеву Фома Бибииков с суеверным ужасом тут же поспешил донести юному государю Фёдору Алексеевичу: «А в их земле шаманы бесовским призывом и волшебством людей портят и морят!»

Было это за три года до рождения Петра Великого и за полвека до несостоявшейся «командировки» якутских шаманов к его двору.

3 ЧАРОДЕИ КАМЕННОГО ВЕКА, ИЛИ МАГИЯ ВМЕСТО ТЕЛЕФОНА

Итак, шаманы существовали по всему Северу «России молодой» ещё задолго до того, как землепроходцами и «птенцами Петровыми» были продвинуты «встреч солнцу» и очерчены будущие границы империи. А когда же они появились вообще, в какие времена и эпохи?

Сегодня более-менее точно, с указанием хотя бы конкретного тысячелетия, ответить на этот вопрос невозможно. Но можно сказать, что шаманы были рождены самой жизнью и человеческим сообществом в тот момент, когда оказались ими востребованы.

Если встать на позиции христианских богословов, то шаманизм можно считать неким результатом известной метафизической катастрофы, в итоге которой прачеловек был отторгнут Богом и изгнан из рая. Лишившись этого — не-

посредственной божественной благодати, — он как-то интуитивно начал пытаться вернуть утерянное. Поначалу спонтанное, а затем и осознанное вхождение в транс с помощью массовых танцев, ритмичного боя барабанов и опьяняющих наркотических растений позволяло душе на какой-то момент оказываться свободной от земных проблем и пут, воспарять к утраченным небесам. Как утверждает уже упомянутый Александр Мень, по существу, это была попытка достижения духовной свободы механическим путём. «Но в этой попытке — при всей её надрывности — трогательна та сила неутолимой жажды высшего, которая не давала человеку погрязнуть в беспросветном, полуживотном состоянии».

Таково богословское определение религиозного состояния общества на пороге шаманизма.

Что же касается историков и этнографов, то они приводят более земные причины появления шаманов. Как известно, любая религия в её самом зачаточном состоянии связана с верой в некие сверхъестественные силы и субъекты — чаще всего не осязаемые обычными органами чувств, но могущественные и всепроникающие. В разных языках и даже внутри одного для них существуют различные определения, но мы для начала назовём их духами. Вера в духов в научной среде получила определение «анимизм». На раннем его этапе каждый человек пытается самостоятельно выстроить свои взаимоотношения с могущественными повелителями и покровителями, выполняет какие-то примитивные обряды и ритуалы задабривания, оберегания или испрашивания помощи. Но достаточно скоро выясняется, что у кого-то подобные действия получаются лучше, а кого-то духи вовсе не хотят слышать. Вот тогда-то из числа более удачливых и нарождается первобытный колдун, а чаще всего — колдунья. Она-то и принимает

на себя обязанности по общению с духами от лица всего племени. А поскольку колдунья в тайной сфере, как уже говорилось, преуспевает больше других, то вполне закономерно сформируется мнение, что духи сами выделили её и выбрали для роли посредника между ними и людьми.

Почему же это место занимает женщина? Да потому, что, во-первых, кое-где ещё не закончился матриархат; во-вторых, с женщиной связано таинство рождения новой жизни; в-третьих, она, в отличие от мужчины, не бегаёт целыми днями в поисках добычи с каменным топором, а больше «общается» с миром трав и растений, напрямую служит великой и спасительной силе огня и вообще более тонко чувствует мир. Такая женская оккультная «монополия» будет продолжаться до тех пор, пока колдуня не приблизит к себе новая, осознавшая свою и его силу мужская власть над племенем и родом.

Но колдун — это ещё не шаман. Как мы уже говорили, первый может общаться с духами, в том числе и с самыми великими и грозными, управлять некоторыми из них, приносить жертвы вплоть до человеческих, воздействовать на живое окружение и даже «впускать» духов в своё собственное тело, временно преображаясь в них. Но при всём своём могуществе колдун не в силах лично отправиться в путешествие в мир мёртвых, спуститься в преисподнюю к властителям зла или воспарить на верхние ярусы небес к главным божествам. И не просто переместиться туда в пространстве и времени, а исполнить определённую активную миссию. Как только колдун научается это делать, он перемещается на ступеньку выше в оккультной иерархии и становится шаманом.

Теперь попробуем ответить на вопрос о появлении этого «посредника» ещё чуть более конкретно. Архе-

ологи считают, что анимизм имел место уже в палеолите, то есть в каменном веке, о чём свидетельствуют наскальные рисунки. Значит, приблизительно тогда же или чуть позже и родились первые шаманы.

Во Франции, на потолке грота Труа-Флёр, возраст которого 15 тысяч лет, изображён хорошо известный в научной литературе «танцующий колдун». Он объединяет в одном образе сразу семь персонажей: у него рога оленя, глаза волка, лик совы, борода серны, лапы медведя, хвост лошади и тело человека. Неподалёку встречаются и другие необычные изображения — человека с парой звериных рогов на голове. Учёные, не сговариваясь, пришли к выводу, что так могут быть нарисованы только «колдуны» в общем смысле этого слова, а в более конкретном — возможно, шаманы.

Пещеру Ласко (более 18 тысяч лет), тоже находящуюся во Франции, называют «Сикстинской капеллой первобытной живописи» из-за прекрасных по исполнению и сохранности рисунков на её стенах. Один из самых загадочных — человек с птичьей головой, летящий между бизоном и носорогом. Рядом с человеком изображён удлинённый предмет, увенчанный фигурой птицы, а между человеком и носорогом — три пары точек. Этот и другие рисунки дали основание известному археологу Леруа-Гурану считать пещеру Ласко святилищем древних людей.

Одним из убедительных доказательств проведения ритуалов в таких святилищах стала ещё более древняя пещера Монтепсан (30–35 тысяч лет), в которой, помимо множества рисунков бизонов, диких лошадей и мамонтов, была обнаружена скульптура медведя без головы, но с лежащим возле её лап настоящим черепом зверя. Судя по всему, этот череп когда-то вместе со шкурой был надет на глиняную основу скульптуры. Главное же заключалось в том, что бока «терракотового» медведя

сохранили множество следов от ударов копий. С медведем соседствует трёхметровое «полотно», изображающее охоту на диких лошадей, фигуры которых тоже отмечены следами копий, нанесённых уже после создания картины. Интересно, что в нескольких подобных пещерных святилищах сохранились отпечатки ног первобытных людей, и среди них выделяется много следов подростков. Это скорее всего говорит о том, что помимо магических обрядов перед охотой, на которых имитировалось и «программировалось» поражение будущей добычи, в святилищах происходили ещё и инициации, возведение подростков в статус охотников и приобщение к сакральным тайнам племени. Кто мог проводить такие обряды? Конечно же особый служитель культа.

Относительно недавно на территории археологического памятника Стар-Карр в Англии была найдена маска, сделанная из черепа оленя с рогами, возраст которой определяется в 11 тысяч лет. Помимо отверстий для человеческих глаз, в маске есть ещё два — для тесёмок, которыми она крепилась на голове. Всего же в научном мире известны находки 33 таких рогатых атрибутов каменного века. Некоторые археологи высказывали предположение, что они могли использоваться в качестве охотничьего «камуфляжа», позволяющего подбираться поближе к добыче, но эти предположения отпали, когда учёные увидели рисунок сибирского шамана, сделанный в 1628 году, — «личина» на его голове один в один повторяла рогатую маску древних бритов...

О том, что первобытные люди верили в существование иных миров и в переход в них своих умерших, подтверждают многочисленные захоронения, в которых рядом с останками покоятся предметы быта, оружие и украшения. Не будь такой веры, зачем было бы снабжать ими покойников, к тому же безвозвратно теряя очень ценные для племени вещи? А если «стойби-

ща мёртвых» действительно имели место хотя бы в воображении, то кто мог рассказать соплеменникам об их существовании? Не шаманки ли, совершавшие первые магические полёты в мир предков?..

В конце двадцатых годов прошлого века в Сибири, на притоке Ангары реке Белой, молодым археологом Михаилом Герасимовым (будущим антропологом с мировым именем, воссоздавшим по черепам облики Ивана Грозного и Тамерлана) была открыта стоянка верхнего палеолита, возраст которой определили в 24 тысячи лет, что соответствует ледниковому периоду. По названию села, в котором на неё наткнулись при рытье погребя, стоянка получила название Мальта. Одной из подаренных ею находок было захоронение ребёнка трёх-четырёх лет, явно свидетельствующее об особом погребальном культе. Останки ребёнка были засыпаны красной охрой, на лбу его лежала костяная диадема, на шее — ожерелье, на груди — изображение летящей птицы, на руке — браслет, на поясе — бляха с орнаментом. Рядом находились каменный нож и копье, хотя по возрасту ребёнок явно не мог ими пользоваться. Выходит, о нём, а точнее — о его душе, позаботились «на вырост», да ещё и, судя по украшениям-символам, проявили особое уважение. За какие заслуги? Может быть, ответом на этот вопрос служит физическая аномалия умершего — зубы у него расположены в два ряда. Такого «знака» вполне могло хватить, чтобы соплеменники возвели мальчика в ранг чародеев и воздали ему посмертные оккультные почести. А может быть, к тому же его мать была признанной кудесницей, шаманкой?

Последнее вполне вероятно, поскольку Мальта стала знаменитой также и найденными в её раскопах 25 «венерами» — статуэтками обнажённых женских фигур из бивня мамонта с ярко выраженными индивидуальными лицами, причёсками и особенностями кон-

ституции. Рядом с ними оказались костяные изображения птиц (опять птиц, запомните это) и необычная пластина с тремя извивающимися змеями и странными концентрическими кругами. Сам я мальтинских «венер» в руках не держал. Но на опубликованных фотографиях двух фигурок сразу же разглядел в одной из них отверстие в верхней части, а у второй — скол в таком же месте, возможно, по отверстию. Значит, они прикреплялись в виде амулетов к одежде и олицетворяли собой каких-то прародительниц, мистических защитниц или благодательниц. Подобную догадку по отношению к другим находкам раньше высказывал академик Алексей Окладников, но к ним мы ещё подойдём.

У сибирского журналиста Леонида Шинкарёва есть интересные детали в описании памятников древности хакасских степей: «...высокое солнце опаляет одинокие камни. Их так много, что если смотреть с высоты, то можно подумать, это галька проросла и дала такие всходы. Уже исследователи XVIII века Даниэль Мессершмидт, Филипп Страленберг, Пётр Паллас и Иоганн Гмелин обратили внимание: плоскости камней испещрены рисунками. Чего тут только не разглядишь — человеческие маски, образы зверей и неведомых существ, шаманы в причудливых наголовниках... В 1963–1964 годах на левом берегу Енисея открыли каменные ящики-гробы: стенки ящиков покрыты знакомыми рисунками. Вместе с ними — образцы искусства далёких предков. Миниатюрные скульптурные портреты очень походили на изображения каменных плит в степи. Выяснилось, что захоронениям четыре тысячи лет. На каменных плитах изображены почти одни женщины. Это даёт основание полагать, что художниками были мужчины: они поклонялись в образе женщины материнскому началу и славили её красоту. Недаром же древний скульптор изваял “Кыс таш” (“Девицу-камень”) с рас-

пущенными длинными волосами и глубокими глазами. Просто прелесть — это лицо! Правда, впечатлению мешает третий глаз на милом женском лбу. Кто знает, какой намёк вкладывали в свою причуду окунёвские мастера. Может быть, украшение головы или важный ритуальный знак?..»

Эти строки написаны известным журналистом в середине 1970-х годов. Думается, сегодня, когда после постперестроечного эзотерического и экстрасенсорного бума выражение «третий глаз» стало почти нарицательным, сам автор вряд ли бы назвал его намёком, причудой или украшением. Наверное, он бы потрясённо произнёс: неужели четыре тысячи лет назад людям уже было знакомо подобное понятие, такой сакральный символ?! Получается — да! И древний художник восхищался не просто красивой девицей, а ясновидящей. Может быть, великой ясновидящей...

Возвращаясь непосредственно к шаманизму, надо отметить, что ряд этнографов не без оснований утверждает, будто бы он наиболее ярко выражен у народов, занимающихся охотой, рыболовством, собирательством, и по мере их перехода к скотоводству, а особенно к земледелию и другим производящим формам труда данный культ начинает ослабевать. Земледелие же зародилось на планете в эпоху неолита — от восьми до трёх тысяч лет до нашей эры. Выходит, тогда же шаманизм и пережил свой расцвет. Но подобное утверждение, возможно, справедливо по отношению к народам, живущим в наиболее благоприятных климатических зонах планеты и идущих во главе человеческой цивилизации. А в той же Сибири к моменту прихода туда русских, всего три-четыре века назад, скажем, якуты, тунгусы и юкагиры о земледелии и не слышали. Некоторые же ещё более удалённые и изолированные народы, например алеуты и эскимосы Аляски, ничего не